

нение математических методов ведет либо к тривиальным выводам, либо создает иллюзию строгости, не внося ничего нового в интерпретацию данных. Статистическая этнография должна остаться этнографией, а не превращаться в еще один способ получения массовых данных. Пожелаем же новому направлению, наглядно продемонстрировавшему свои достоинства и перспективы, избежать этой опасности.

И. А. Гришаев

НАУЧНЫЕ ИЗДАНИЯ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА СИБИРИ (1979—1984 гг.)

Среди многочисленных публикаций произведений русского фольклора последних лет особого внимания заслуживают издания, посвященные русскому фольклору Сибири. За пять лет (1979—1984) издано восемь книг. Пять из них знакомят с русской народной сказкой Сибири¹, три — со свадебным обрядом и свадебной поэзией². Вниманию читателей представлен материал, собиравшийся на протяжении более ста лет, извлеченный из крупных известных собраний XIX в.³, из сборников советского времени (М. В. Красноженовой, И. Г. Парилова, М. К. Азадовского, Л. Е. Элиасова, Е. И. Шастинной), из дореволюционной периодики («Живая старина», издания РГО и его сибирских отделов). Широко привлекаются также архивные материалы: записи М. К. Азадовского, К. А. Копержинского, современных собирателей (личные архивы М. Н. Мельникова и В. П. Зиновьева), а также записи составителей, хранящиеся в рукописном отделе Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР, записи студентов Иркутского и Томского университетов, Новосибирского пединститута. В поле зрения читателей оказалось 290 сказок и около 2000 текстов свадебного фольклора. Многие из них публикуются впервые. Все издания выполнены на высоком научном уровне.

В предисловии к каждой книге оговорены порядок расположения в ней текстов и основные текстологические принципы их воспроизведения. Во вступительных статьях характеризуется история собирания и публикации волшебных и сатирических сказок, свадебного фольклора на протяжении ста с лишним лет. В статье о сатирических русских сказках и анекдотах характеризуются их особенности, социальная функция, способы исполнения. Намеченные в этой статье вопросы обстоятельно разработаны в недавно вышедшей монографии Н. В. Соболевой⁴. Во всех вступительных статьях к сборникам сказок говорится об отражении в них разнообразных черт сибирской жизни и природы, характеризуются особенности творческой манеры отдельных сказочников. Авторы рассматривают важный вопрос о взаимодействии русской сказочной традиции с традициями других народов Сибири, в частности об интерпретации русских сюжетов в иной этнической и более архаической социальной среде — у народов северо-востока Сибири (юкагир, колымчан и др.). В связи с этим интересны приложения к «Русским народным сатирическим сказкам Сибири»: «Варианты сказочного сюжета „Шут“, записанные на северо-востоке Сибири» (с. 249—253) и «Русские сатирические сказки, записанные от бурятских сказителей» (с. 254—257). В приложениях указаны источник, место и время записи текста, имена и возраст исполнителей, фамилия собирателя.

¹ Русские народные сказки Сибири о богатырях/Сост., вступит. статья и коммент. Матвеевой Р. П. Отв. ред. Элиасов Л. Е. Новосибирск: Наука, 1979; Русские героические сказки Сибири/Сост., предисл. и коммент. Матвеевой Р. П. Отв. ред. Элиасов Л. Е. Новосибирск: Наука, 1980; Русские волшебные сказки Сибири/Сост., вступит. статья, коммент. Матвеевой Р. П. Отв. ред. Померанцева Э. В. Новосибирск: Наука, 1981; Русские народные сатирические сказки Сибири/Сост., вступит. статья и коммент. Соболевой Н. В. Отв. ред. Померанцева Э. В. Новосибирск: Наука, 1981; Русские народные сказки Сибири о чудесном коне/Сост., предисл. и коммент. Матвеевой Р. П. Отв. ред. Барга Л. Г. Новосибирск: Наука, 1984.

² Русские свадебные песни Сибири/Сост., вступит. статья и примеч. Потаниной Р. П. Отв. ред. Уланов А. И. Новосибирск: Наука, 1979; Обрядовые песни русской свадьбы Сибири/Сост., предисл. и примеч. Потаниной Р. П. Отв. ред. Путилов Б. Н. Новосибирск: Наука, 1981; Русская народная поэзия Сибири/Вступит. статья, сост., примеч. Потаниной Р. П. Отв. ред. Путилов Б. Н. Новосибирск: Наука, 1984.

³ Афанасьев А. Н. Народные русские сказки в трех томах/Подгот. текста и примеч. Проппа В. Я. М.: Гослитиздат, 1958; Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества. Вып. I и II/Издан Смирнов А. М. Пг., 1917 (Зап. Русск. геогр. о-ва по отд. этнографии. Т. XLIV) и др.

⁴ Соболева Н. В. Типология и локальная специфика русских сатирических сказок Сибири. Новосибирск, 1984.

В ряде случаев отмечается специфика данного варианта. В конце каждой книги приложены списки сказочников и собирателей, «Словарь малоупотребительных и диалектных слов» и «Список сокращений». Разумеется, каждое из двух рецензируемых изданий подчинено решению особых задач.

Во вступительной статье к первому сборнику серии «Русские сказки Сибири» (с. 3—52) Р. П. Матвеева отмечает как одну из главных особенностей сказочного репертуара Сибири, сближающую его с репертуаром Русского Севера, обилие в нем наряду с сатирическими и анекдотическими волшебнo-фантастических сказок с хорошей сохранностью большинства сюжетов, «в том числе и в древних редакциях и вариантах» (с. 4). Автор говорит также об изменениях, которым на протяжении столетия подвергался обширный репертуар волшебной сказки, отражая движение в жизни и представлениях рассказчиков и слушателей. Изменения эти коснулись сюжетов (возникновение более сложных по сравнению с традиционными вариантами), обстановки действия (появились черты сибирской природы, охотничьего, промыслового и домашнего быта сибиряка), характеров героев, языка и стиля сказки. В статье синтезируются наблюдения собирателей конца XIX — начала XX в. (Г. Н. Потанина, А. А. Макаренко), крупнейших советских сказковедов старшего поколения: М. К. Азадовского (учтены не только известные его исследования, но и архивные материалы), Л. Е. Элиасова, М. В. Красноженовой и др., а также сибирских сказковедов 1950—1970-х годов: В. А. Василенко, Т. Г. Леоновой, Е. И. Шастиной, сотрудников сектора русского народного творчества Бурятского института общественных наук БФ СО АН СССР, изучавших современное состояние сказочной традиции в Тункинской долине в 1969—1975 гг. Обобщение всего этого обширного материала, образцы которого публикуются в рецензируемых сборниках сказок, позволило Р. П. Матвеевой охарактеризовать в лучших традициях русского сибирского сказковедения наиболее выдающихся исполнителей волшебной и бытовой сказки Сибири (от Антона Черошника, Н. О. Випокуровой, Е. И. Сороковикова-Магая до Р. Е. Шеметовой, Ф. Е. Томшина, И. Т. Загребнева, Н. Н. Ларионова и др.).

Значение пяти книг русских сказок Сибири не ограничивается подведением итогов сибирского сказковедения, успешно развиваемого современными исследователями и собирателями. Эти книги открывают новые пути исследований жанра в общетеоретическом и историческом плане. Опубликованные сказки позволяют судить об истории отдельных, наиболее популярных в Сибири (а может быть, и в общерусской сказочной традиции) сюжетов волшебных сказок, выявить общие закономерности их варьирования, прояснить совсем еще не изученный вопрос о процессе формирования нового типа повествования на основе старой сказочной традиции. Плодотворным представляется припятый Р. П. Матвеевой принцип отбора и расположения материала. Каждый сборник включает один — три типа сюжетов волшебных сказок⁵. В сборник «Русские народные сказки Сибири о богатырях» вошли сюжеты: «Победитель змея» (300 А), «Бой на Калиновом мосту» (300 В), контаминация его с сюжетным типом «Три царства» (301 А) или «Кощеева смерть в яйце» (302) и другими сюжетами и мотивами; в сборник «Русские героические сказки Сибири» — «Три царства» (301 А, В, С) и «Звериное молоко» (315 А), также осложненные мотивами из других сюжетов. В «Русских волшебных сказках Сибири» представлены сюжеты «Медный лоб» (502), «Кощеева смерть в яйце» (302) и главным образом «Чудесное бегство» (313 А, В, С; 314). Специализированный сборник посвящен сказкам о чудесном коне: сюжеты «Сивка-бурка» (530, 530 А), «Копек-горбунок» (531), «Незнайка» (532). Казалось бы, ограниченный круг сюжетов, заключенный в каждой книге, должен привести к известной монотонности, идущей в ущерб восприятию сказки широким читателем. Однако этого не происходит, столь значительно варьируется традиционный сюжет в исполнении каждого рассказчика, так разнообразны сочетания традиционной сюжетной основы одного типа с мотивами, заимствованными из других сюжетов, своеобразна и манера повествования каждого рассказчика. Опубликованные тексты позволяют судить о типических чертах сибирской традиции, о преобладании в ней героических, авантурных сюжетов, повествующих о сложных перипетиях в судьбе героя. К сожалению, Р. П. Матвеева не отметила соотношения этой особенности с общерусской традицией, не упомянула о судьбе в сибирской традиции таких популярных русских сказочных сюжетов, как «Царевна-лягушка» (402), «Чудесный супруг» (435), «Пойди туда, не знаю куда» (465), «Мачеха и падче-

⁵ Здесь и далее номера сюжетов даны по «Сравнительному указателю сюжетов. Восточнославянская сказка»/Сост. Барг Л. Г., Березовский И. П., Кабашников К. П., Новиков Н. В. Л.: Наука, 1979

рица» (480 А—Д), и многих других. Остается неизвестным, будут ли они в дальнейшем публиковаться. В изданных материалах ярко выражена тенденция к осложнению повествования путем контаминаций.

Большое значение для изучения сюжетного состава и процессов сюжетосложения имело появление в 1979 г. «Сравнительного указателя сюжетов. Восточнославянская сказка». Опираясь на него, составители смогли разработать «Указатель контаминаций сюжетов-мотивов к „Русским народным сказкам Сибири о чудесном коне“», показывающий, в каких сочетаниях выступают публикуемые в данном сборнике сюжеты, а также «Указатель сюжетов-мотивов» волшебных сказок, опубликованных в рецензируемых книгах; «Указатель контаминаций сюжетов-мотивов во всех опубликованных текстах»; «Топографический указатель сюжетов-мотивов» и «Таблицу географии бытования сюжетов-мотивов и их сочетаний», показывающие степень распространения отдельных сюжетов-мотивов во всех областях, края и двух автономных республиках Сибири. Весь этот справочный материал опубликован в приложении к «Русским народным сказкам Сибири». В процессе дальнейшего изучения закономерностей сюжетообразования следовало бы соотнести полученные по Сибири данные с наблюдениями над контаминациями на общерусском сказочном материале (работы Н. М. Ведерниковой⁶ и др.). Важно было бы дать в виде приложения опись вариантов публикуемых сюжетов, не вошедших в издания и хранящихся в обследованных архивах.

Опубликованный в издании материал позволяет сделать заключение об изменении типа повествования, его стилистических особенностях, о соотношении традиционных приемов волшебной сказки с новыми чертами стилистики, сформировавшейся под влиянием письменной литературы. По-видимому, те черты стиля, которые сказковедами начала XX в. приписывались исключительно отдельным выдающимся «мастерам», в действительности были лишь более ярким проявлением общих закономерностей, укреплявшихся в устной традиции Сибири. Следовало бы изучить соотношение традиционных и новых элементов в языке сказок во всех опубликованных материалах, рассматриваемых в хронологическом аспекте (хронологическое расположение текстов в сборнике, посвященном сказкам о чудесном коне, является его несомненным достоинством). Это позволило бы достигнуть в области стилистики столь же убедительных выводов, как и в области сюжетосложения, что отражено в упомянутых ранее указателях и таблицах.

Не меньшее значение имеет и издание трех книг по русскому свадебному фольклору Сибири, подготовленное Р. П. Потаниной и осуществленное Бурятским филиалом СО АН СССР. Как и рецензируемое издание сказок, оно явилось первой солидной публикацией русского свадебного фольклора Сибири, основанной на изучении разнообразных фольклорно-этнографических источников: общих и местных периодических изданий, краеведческих сборников, изданий РГО и его сибирских отделений. Важным источником явились рукописные тексты, собранные главным образом в последние десятилетия и хранящиеся в архивах научно-исследовательских учреждений и вузов.

В двух первых книгах «Русские свадебные песни Сибири» (далее — I) и «Обрядовые песни русской свадьбы Сибири» (далее — II) — опубликовано 1255 текстов песенных и прозаических, сопровождавших ритуальные действия (дополнительно 156 текстов помещены в конце третьей книги; чем объясняется такое разделение материала — неясно). Кроме них в третьей книге («Русская свадебная поэзия Сибири»; далее — III) также впервые публикуются 48 приговоров свадебных дружек, 124 величальных и 143 корильных песни. Систематизируя материал, Р. П. Потанина стремилась представить читателю наиболее типические виды и сюжеты свадебного фольклора с их вариантами, в разной мере распространенными в отдельных регионах Сибири, и показать связь фольклорных текстов с обрядовым комплексом. Для этого выделены и охарактеризованы в небольших заметках основные акты (ритуалы) русской свадьбы Сибири, вслед за которыми помещены относящиеся к ним фольклорные тексты. Таким образом, читателю становится ясна изначально обрядовая функция многих текстов, сопровождавших рукобитье, расплетание косы, баню, прощание с красотой, встречу поезда в доме невесты или у молодого. Но в ряде случаев такую основу найти трудно, (I, № 149 — просьба дочери выкупить из неволюшки; № 156, 157 — обращение к друж-

⁶ Ведерникова Н. Контаминация в волшебной сказке. Филология. Сб. студенч. и аспирант. науч. работ филол. ф-та МГУ. М.: Изд-во МГУ, 1969. С. 40—52; *её же*. Контаминация в русской народной волшебной сказке: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1970.

ке, последняя — корильная в цикле «рукобיתье»). С другой стороны, одни и те же песни по мере угасания обряда отрывались от определенных элементов ритуала, прикрплялись к другим, иногда не вполне соответствуя их содержанию. Это явление известно в свадебном фольклоре повсеместно. В рецензируемых томах мы встречаем одни и те же сюжеты: «Сборы мои, сборы» (II, № 226) — *сбор поезда*, на тот же сюжет в III, № 263, 264 — *девичник*; «Река ли, моя реченька» (II, № 185—187) — *в ожидании поезда*, с тем же сюжетом в III, № 249 — *девичник*; «Отставала лебедь белая» (II, № 421—423, 426—427) — *бранье*, в III № 362 на тот же сюжет — *окручивание*; во II № 465 («Соколы») — *бранье*, в III № 356 на тот же сюжет — *встреча поезда от венца*. Таким образом, расположение текстов песен по элементам ритуала может осуществляться лишь на основании анализа исконного содержания сюжета. Основанное на сведениях исполнителей (даже конца XIX — начала XX в.), оно является условным. Это следовало бы оговорить.

Достоинством издания является то, что многие тексты публикуются с вариантами (иногда 5—6). Неопубликованные варианты учитываются в комментариях, показывающих степень популярности данного сюжета в Сибири, а иногда и в общерусской традиции (ссылки на собрания П. В. Киреевского, П. В. Шейна). Однако, учитывая специфику сибирского материала, особенно важно выяснить региональное своеобразие фольклорного репертуара. Эта проблема ясно осознается составителем. Ей посвящены первые разделы «Предисловия» к первому сборнику и вступительной статьи «Русская свадебная поэзия Сибири» — к третьему. В них речь идет о заселении сибирских земель, начиная с XVI в. сначала русскими, позднее — украинцами и белорусами, сохранившими на новых землях обычаи родины. Таким образом возникла возможность «определить район выхода сибирских поселенцев» (I, с. 4). Но в Сибири много сел со смешанным населением. Этим объясняется взаимное влияние на их фольклор традиций русской, украинской и белорусской. Оно сказывается в целом и в отдельных произведениях. Наблюдается также смешение различных русских традиций в Восточной Сибири, заселявшейся в основном русскими казаками, старообрядцами, ссыльными (III, с. 4). Естественно, читателю интересно хотя бы в какой-то степени проследить такое влияние на самом материале. Однако сделать это нелегко, так как ни расположение текстов (вариантов) внутри каждого раздела, ни комментарий к текстам не содержат указаний на связь с северно-русской, южно-русской, украинской или другой традицией, к которой данный текст восходит. Нет в комментариях и прямого указания на место записи. Совокупность таких сведений позволила бы непосредственно, без обращения к «Списку сокращений» установить специфику местного репертуара песен того или иного ритуала. Не менее важно было бы приложить к каждому тексту или поместить в конце III книги таблицы, указывающие на распространение хотя бы наиболее типичных сюжетов обрядовых песен по регионам, подобно тому, как это сделано в серии «Русские сказки Сибири».

Для изучения специфики фольклора Сибири и его источников важным представляется также вопрос о жанровом составе фольклора. Между тем в рецензируемом издании он поставлен только отчасти. В III книге в отличие от первых двух составитель руководствовался жанровой классификацией свадебного фольклора, выделив в особый раздел приговоры дружек, размещенные по ритуалам, величальные и корильные песни. Во второй части, в разделе «Обрядовые песни и причитания», тексты книги расположены по актам ритуала. Но указания на то, к какому именно жанру свадебного фольклора относится тот или иной текст, можно встретить лишь в единичных комментариях (III, № 238, 242, 252). То же самое в еще большей степени относится к текстам первых двух книг, которые в отличие от третьей названы «Русские свадебные песни Сибири» и «Обрядовые песни русской свадьбы Сибири». Большинство текстов здесь названо песнями: «песни, в которых невеста (или от ее имени подруги) просит родителей не отдавать ее замуж, песни с упреком невесты родителям за то, что нарушили свое обещание» (I, с. 89), и т. д. Публикуемый вслед за тем текст № 104 — «Я прошу тебя, родимый батюшка», где невеста просит отца «не теплить свечи воска ярого», «не давать правой рученьки», является плачем, как и многие другие тексты. Дифференциация жанров свадебного причета и свадебной обрядовой песни — одна из трудных задач. Во многих публикациях XIX — начала XX в. те и другие именовались «песнями». В течение последних десятилетий как в русской, так и в зарубежной фольклористике появились работы, авторы которых, основываясь на содержании, композиции, стилистических приемах, частично — на ритмическом строе, отграничивают песни от причитаний, исследуя специфику каждого жанра.

Жаль, что в рецензируемом издании не публикуются музыкальные записи и отсутствуют указания на способ исполнения песен и причетов. Это облегчило бы определение их жанровой принадлежности. Многие тексты рецензируемого издания следует считать причитаниями, и в первую очередь тексты, сопровождавшие расплетение косы, отдавание красоты, баню и другие, аналогичные соответствующим ритуалам северо-русской свадьбы (II, № 18, 20—33, 40, 41, 45, 81—84). Многие из этих текстов содержат формульные сочетания, идентичные северо-русским причетам: просьба к матери вплести «по корень трубочатой косы» «волюшку родимого батюшки», «посереде трубочатой косы — два пожичка, два булатные» (II, № 28); обращение к матери: «гора высокая, стена белокаменная, ночная ты моя богомолица, денная заступница» (I, № 146). Все эти тексты, несомненно, восходят к северо-русской традиции. Интересно было бы указать их локализацию по регионам Сибири. Во вступительной статье к III книге Р. П. Потанина усматривает северо-русское влияние на свадьбу семейских в минорном ее тоне, «театрально-драматическом характере и насыщенности до недавнего времени причитаниями» (с. 5). В какой мере проявилось это в других регионах Сибири и как перекрещивается с другими влияниями, остается пока не известным.

В целом рецензируемые издания Бурятского филиала СО АН СССР являются ценным вкладом не только в фольклористику Сибири, но и в науку о фольклоре вообще. Основанные на богатом, в значительной мере вновь собранном материале, они знакомят широкого читателя с ценнейшим поэтическим наследием русского населения Сибири, вводят в научный оборот сотни новых текстов, расширяют проблематику и открывают дальнейшие научные перспективы их исследования, исторического и теоретического. Эти издания, безусловно, необходимо продолжить, учитывая высказанные замечания и пожелания.

И. М. Колесницкая

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Ethnologie Occidentale. Essais critiques sur l'idéologie. Moscou, 1985.

Перевод на французский язык и издание критических очерков, посвященных анализу концепций зарубежных этнографов, представляется важным вкладом в развитие научного диалога между Западом и Востоком. В первой же статье (Ю. В. Бромлея) рецензируемого сборника подчеркнута необходимость более тесного сотрудничества на современном этапе ученых разных стран в изучении человека и человечества (с. 10). Между тем такое сотрудничество советских и западных этнографов осложнено существенными различиями в понимании ими задач этнографической науки, различиями, которые складывались десятилетиями и в настоящее время многими исследователями на Западе воспринимаются как непреодолимый «культурный барьер». В частности, английский этнограф Э. Геллнер отмечал, выражая мнение многих своих коллег, что советская и западная этнографические дисциплины «представляют собой разные миры, контраст между ними — это контраст между эволюционно-историческим и функционально-статическим видением человека и общества... ученый, воспитанный в традициях британской социальной антропологии, при попытке проникнуть в мир советской этнографии испытывает сильный, но оздоравливающий культурный шок»¹.

Рецензируемый сборник в какой-то мере способствует разрушению «культурного барьера», давая нашим зарубежным коллегам прекрасную возможность, не испытывая языковых затруднений, увидеть прошлое и настоящее западной этнографической науки в критическом освещении видных советских специалистов. Существенно в этом плане и то, что сборник вполне может претендовать на формулирование теоретической позиции, свойственной советской этнографической критике в целом, поскольку является своеобразным итогом многолетней деятельности, направленной на изучение теоретической мысли в западной этнологии, деятельности, результатом которой стала целая серия коллективных трудов².

Первое, что необходимо отметить при характеристике сборника, — это стремление его составителей и авторов дать максимально полное представление о западной этнологии. Стремление это удалось осуществить: хронологически статьи охватывают период с момента возникновения этнографии как особой научной дисциплины вплоть до сов-

¹ Gellner E. The Soviet and the Savage//Current Anthropol. 1975. V. 16. № 4. P. 595.

² Этнологические исследования за рубежом. М., 1973; Концепции зарубежной этнологии. М., 1976; Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л., 1979; Этнография за рубежом. М., 1979; Пути развития зарубежной этнологии. М., 1983.